

„Der harte Kern ist jung“

Schon jetzt beteiligten sich nicht nur die üblichen Verdächtigen in Russland an den Antikriegsprotesten, sagt der Philosoph und Aktivist Greg Yudin. Und die würden wachsen, denn das Land erwache gerade aus der Entpolitisierung

INTERVIEW ROBIN CELIKATES taz am Wochenende:

Herr Yudin, rund um die Welt kommt es zu massiven Protesten gegen den Krieg in der Ukraine. Auch in russischen Städten protestieren Menschen, Tausende werden verhaftet. Sie selbst landeten auch im Gefängnis. Wie schätzen Sie die aktuelle Situation ein?

Greg Yudin: Die Antikriegsbewegung in Russland ist im Entstehen, das zeigt die Zahl der Protestierenden und die der Verhafteten. Mehr und mehr Menschen realisieren das Ausmaß der gegenwärtigen Katastrophe. Dass das Zeit braucht, ist nicht überraschend. Russland ist vollkommen entpolitisiert. Die Menschen halten maximalen Abstand zur Politik, sie haben großes Misstrauen – und Angst. Der Ausbruch des Krieges war ein Schock für die große Mehrheit, der Ernst der Lage muss erst begriffen werden. Aber das geschieht. Das zeigt sich in der Hartnäckigkeit des Protests trotz aller staatlichen Repressionen.

Ist diese Hartnäckigkeit Ergebnis politischer Organisationsarbeit oder spontane Reaktion auf den Krieg?

Der harte Kern der Proteste besteht aus politisch engagierten jungen Menschen, die genug von Putin haben und durch die dramatische Eskalation auf die Straße gebracht werden. Aber die Proteste gehen weit über die **üblichen Verdächtigen** hinaus. Es gibt in der Bevölkerung kaum Enthusiasmus für den Krieg, ganz anders als 2014 bei der Annexion der Krim, trotz der Kriegspropaganda. Nur ein kleiner Teil unterstützt offen die militärische Aggression. Um die große Mehrheit in der Mitte wird es jetzt zentral gehen: Menschen,

"Жесткое ядро – это молодёжь"

Уже сейчас в России в антивоенных протестах участвуют не только обычные противники режима, говорит философ и активист Грег Юдин. И они растут, говорит он, потому что страна только пробуждается от деполитизации.

ИНТЕРВЬЮ РОБИН СЕЛИКАТЕС TAZ в воскресенье:

Господин Юдин, во всем мире проходят массовые протесты против войны в Украине. Люди также протестуют в российских городах, тысячи людей арестованы. Вы сами тоже оказались в тюрьме. Как вы оцениваете текущую ситуацию?

Грег Юдин: Антивоенное движение в России зарождается, о чем свидетельствует количество протестующих и арестованных. Все больше и больше людей осознают масштабы нынешней катастрофы. То, что на это требуется время, неудивительно. Россия полностью деполитизирована. Люди держат максимальную дистанцию от политики, они испытывают большое недоверие - и страх. Начало войны стало шоком для подавляющего большинства, поэтому сначала необходимо понять серьезность ситуации. Но это происходит. Об этом свидетельствует упорство протеста, несмотря на все государственные репрессии.

Является ли это упорство результатом политической организации или спонтанной реакцией на войну?

Ядро протестующих составляют политически активные молодые люди, которым надоел Путин, и которых вывела на улицы резкая эскалация. Но протесты выходят далеко за рамки обычных **борцов с режимом**. Среди населения почти нет энтузиазма по поводу войны, что значительно отличается от 2014 года, когда был аннексирован Крым, несмотря на пропаганду войны. Лишь небольшая часть открыто поддерживает военную

die sich bisher nicht für Außenpolitik interessiert haben.

Sie sind auch Demokratietheoretiker. Welche Rolle spielen Protest und öffentliche Appelle von Künstler*innen überhaupt in einer Situation staatlicher Medienkontrolle und Kriegspropaganda?

Subversive Proteste bringen der Öffentlichkeit ins Bewusstsein, dass es viel Widerspruch gibt. Je länger der Krieg dauert, desto offensichtlicher muss man sich positionieren. Viele haben Freunde und Verwandte in der Ukraine und bekommen von dort äußerst alarmierende Nachrichten. Nun, da Putin Streubomben gegen die ukrainische Zivilbevölkerung einsetzt, geht die Zahl der Opfer dramatisch in die Höhe. Auch die Zahl der Toten unter den russischen Soldaten steigt. Es sollte ein Blitzkrieg werden, läuft aber ganz anders. Die öffentliche Meinung wird sich mehr und mehr gegen den Krieg wenden, Duma-Abgeordnete und weitere bekannte Persönlichkeiten aus Kultur, Kunst und Wissenschaft haben bereits die Stimme erhoben. Das beeinflusst jene, die noch unentschieden sind und sich in ihre Alltagsroutinen flüchten. Wir sind an einem Wendepunkt: Entweder wird die Antikriegsbewegung schnell größer und gewinnt Einfluss auf die Politik – oder sie wird niedergeschlagen und wir stehen vor einer neuen politischen Ära.

Wie steht es um die russische Elite?

Auf ihre Unterstützung konnte sich Putin bisher verlassen.

Die meisten Angehörigen der Elite schweigen, was allerdings auch vielsagend ist. Es gibt kaum öffentliche Unterstützung für den Krieg, nicht einmal von den Prominenten, die normalerweise das Sprachrohr der Elite sind. Je mehr die Stimme erheben, desto größer ist auch das Risiko eines harten Durchgreifens seitens des Regimes.

агрессию. Теперь главным вопросом будет большинство в центре: Люди, которые до сих пор не интересовались внешней политикой.

Вы также являетесь теоретиком демократии. Какую роль вообще играют протесты и публичные призывы людей искусства в ситуации государственного контроля СМИ и военной пропаганды?

Подрывные протесты дают общественности понять, что в стране много несогласных. Чем дольше длится война, тем очевиднее необходимость занять позицию. У многих есть друзья и родственники в Украине, и они получают оттуда крайне тревожные новости. Теперь, когда Путин использует касетные бомбы против украинского гражданского населения, число жертв резко возрастает. Число погибших среди российских солдат также растет. Предполагалось, что это будет «молниеносная война», но все идет совсем по-другому. Общественное мнение все больше и больше обращается против войны, депутаты Госдумы и другие известные деятели культуры, искусства и науки уже подняли свой голос. Это влияет на тех, кто еще не определился и укрывается в своей повседневной рутине. Мы находимся на переломном этапе: либо антивоенное движение быстро растет и приобретает влияние на политику - либо оно будет подавлено, и мы столкнемся с новой политической эрой.

А как насчет российской элиты?

До сих пор Путин мог рассчитывать на их поддержку.

Большинство представителей элиты молчат, но это тоже показательно. Общественная поддержка войны практически отсутствует, даже со стороны знаменитостей, которые обычно являются рупором элиты. Чем больше тех, кто высказывается, тем выше риск репрессий со стороны режима.

Noch sind die Proteste klein: Warum sprechen Sie trotzdem von einem Wendepunkt?

Drei Faktoren üben großen Druck auf Putin aus. Erstens der unglaubliche und heroische Widerstand der Ukrainer. Der zweite Faktor ist die vereinte Reaktion des Westens und der globalen Staatengemeinschaft. Natürlich war Putin auf Sanktionen eingestellt, aber die Härte und Entschlusskraft haben ihn überrascht. Drittens gibt es die zunehmende Stimmung gegen den Krieg in Russland. All dies führt dazu, dass wir bald vor einem Wendepunkt stehen.

Wie könnte der aussehen?

Das düsterste Szenario: Putin lastet den wirtschaftlichen Zusammenbruch Feinden im In- und Ausland an. Russland wird ein totalitärer Staat mit geschlossenen Grenzen.

Ihnen zufolge handelt es sich bei dem Krieg auch um eine verzweifelte Verteidigung des russischen Status quo. Können Sie das näher erläutern?

In Russland war in den nächsten Jahren mit einem Volksaufstand gegen Putin zu rechnen, wie gegen Lukaschenko in Belarus. Putin will sicher sein, einen solchen Aufstand mit wirklich allen Mitteln niederschlagen zu können. Er steht sehr unter dem Eindruck von Gaddafis Ende in Libyen. Die Annäherung der Ukraine an den Westen ist für ihn eine existentielle Bedrohung. Daher erschien ihm Angriff als die beste Verteidigung. Wir müssen verstehen, dass er sich in der Defensive befindet. Wenn er jetzt verliert, ist er am Ende. Das macht die Situation so gefährlich: Jedes Zugeständnis erscheint ihm als existentielle Bedrohung.

Протесты все еще небольшие: Почему вы все же говорите о переломном моменте?

Три фактора оказывают сильное давление на Путина. Первое - это невероятное и героическое сопротивление украинцев. Второй фактор - это объединенный ответ Запада и мирового сообщества. Конечно, Путин был готов к санкциям, но жесткость и решительность застали его врасплох.

В-третьих, в России растут настроения против войны. Все это означает, что скоро наступит переломный момент.

На что это может быть похоже?

Самый мрачный сценарий: Путин возлагает вину за экономический крах на врагов внутри страны и за рубежом. Россия становится тоталитарным государством с закрытыми границами.

По вашим словам, война также является отчаянной защитой российского статус-кво. Не могли бы вы рассказать об этом подробнее?

В России в ближайшие несколько лет следовало ожидать народного восстания против Путина, как и против Лукашенко в Беларуси. Путин хочет быть уверен, что сможет подавить такое восстание действительно любыми средствами. Он находится под впечатлением от конца Каддафи в Ливии. Сближение Украины с Западом представляет для него экзистенциальную угрозу. Поэтому нападение казалось ему лучшей защитой. Мы должны понимать, что он находится в обороне. Если он проиграет сейчас, ему конец. Именно это делает ситуацию такой опасной: каждая уступка представляется ему экзистенциальной угрозой.

Die westliche Linke scheint sich schwer damit zu tun, sich zu der neuen Situation zu verhalten. Sie haben daran appelliert, die Ukraine nicht im Stich zu lassen. Was folgt daraus für die politische Linke, ihren Antiimperialismus und Antimilitarismus?

Die Linke hat aufgrund berechtigter Kritik am US-amerikanischen Neoliberalismus und Imperialismus immer wieder den Fehler gemacht, politische Positionen zu unterstützen, die eine Alternative darzustellen scheinen. Aber was Putins Russland angeht, ist das ein vollkommenes Fehlurteil: Russland ist viel neoliberaler als die USA.

Wie meinen Sie das?

Die Gesellschaft ist völlig atomisiert, es herrscht ein konstanter Krieg aller gegen alle. Und natürlich ist der russische Staat auch ein imperialistischer. Es handelt sich um einen reaktiven Imperialismus mit eigener Dynamik: Der Staat fühlt sich stets in der Defensive und muss daher expandieren, um zu überleben. Putin ist ein Verschwörungstheoretiker. Politik ist für ihn eine Sache von Entscheidungen hinter verschlossenen Türen, die dann gewaltsam durchgesetzt werden. Das Monster zeigt nun sein Gesicht und wird uns zu einer Neubewertung des neoliberalen Imperialismus zwingen.

Wie konnte Putins Russland ein so wichtiger Bestandteil des globalen Wirtschaftssystems werden?

Sein Verhalten stand nicht im Widerspruch zu diesem System, das auf ökonomischem Gewinn und Korruption aufbaut. Was wir erleben, ist ein Lehrstück über die Katastrophe, in die uns dieses System führen kann, wenn es nicht demokratisch oder zivilgesellschaftlich eingehegt wird.

Könnte die Katastrophe sich noch ausweiten?

Wir müssen jetzt die Gefahr erkennen, dass es nicht bei der Ukraine bleiben wird. Putin sieht Polen und die baltischen Staaten als zentrale Feinde. Daher muss er jetzt gestoppt werden, um so gut wie jeden

Westliche linke, похоже, с трудом смиряются с новой ситуацией. Вы призвали не бросать Украину. Что это означает для политических левых, их антиимпериализма и антимилитаризма?

Основываясь на обоснованной критике неолиберализма и империализма США, левые неоднократно совершали ошибку, поддерживая политические позиции, которые, казалось бы, представляют собой альтернативу. Но что касается путинской России, то это полная ошибка: Россия гораздо более неолиберальна, чем США.

Что вы имеете в виду?

Общество полностью атомизировано, идет постоянная война всех против всех. И, конечно, российское государство также является империалистическим. Это реактивный империализм со своей собственной динамикой: государство всегда чувствует себя в обороне и поэтому вынуждено расширяться, чтобы выжить. Путин - теоретик заговора. Политика для него - это вопрос решений за закрытыми дверями, которые затем навязываются силой. Монстр сейчас показывает свое лицо и заставит нас переоценить неолиберальный империализм.

Как путинская Россия стала такой важной частью мировой экономической системы?

Его поведение не противоречило этой системе, построенной на экономической выгоде и коррупции. То, что мы наблюдаем, является наглядным уроком того, к какой катастрофе может привести нас эта система, если она не будет сдерживаться демократическим путем или гражданским обществом.

Может ли катастрофа еще распространиться?

Сейчас мы должны осознать опасность того, что это не ограничится Украиной. Путин считает Польшу и страны Балтии главными врагами. Поэтому его нужно остановить сейчас, практически любой

Preis. Und daher muss der Widerstand gegen dieses System unterstützt werden, im Moment also der Widerstand in der Ukraine. Was in der Ukraine passiert, ist das Äquivalent zur Besetzung des Sudetenlandes 1938 durch die deutsche Wehrmacht. Zu sagen, Putin und die US-Regierung seien beide schlecht, wie es manche Linken tun, ist zwar oft richtig, führt aber nur zu leerem Gerede und keiner aktiven Positionierung. Jetzt ist höchste Zeit zum Handeln.

Welche Möglichkeiten der internationalen Solidarität gibt es in dieser Situation?

Am wichtigsten ist es, den Widerstand zu unterstützen, an erster Stelle in der Ukraine, aber auch in Russland und Belarus. Die Welt muss sich vereint gegen die Gefahr stellen und bereit sein, dafür auch den Preis zu bezahlen, selbst wenn er hoch ausfallen wird. Das ist die einzige Sprache, die Putin versteht. Olaf Scholz hat recht: Wir sind in einer neuen Ära. Es liegt nun an uns, wie die Zukunft aussehen wird. Jetzt ist es an der Zeit, zu seinen Prinzipien zu stehen und sich zu fragen, woran wir wirklich glauben und in was für einer Welt wir leben wollen.

Bei dem Interview handelt es sich um eine gekürzte und bearbeitete Übersetzung eines Podcasts der Reihe Critical Theory in Context mit Robin Celikates. Er ist Professor für Praktische Philosophie mit den Schwerpunkten Sozialphilosophie und Anthropologie an der Freien Universität Berlin.

Greg Yudin

ist Professor für Politische Philosophie an der Moskauer Hochschule für Sozial- und Wirtschaftswissenschaften und gilt als eine der prominentesten Stimmen der aktuellen Antikriegsprotteste in Russland. Er schreibt regelmäßig für die Onlineplattform open-democracy und das russische Internetmagazin Republic.

ценой. И поэтому сопротивление против этой системы должно быть поддержано, в данный момент это сопротивление в Украине. То, что происходит в Украине, эквивалентно оккупации Судетской области в 1938 году немецким вермахтом. Говорить, что и Путин, и правительство США плохие, как это делают некоторые левые, часто правильно, но приводит лишь к пустой болтовне и отсутствию активного позиционирования. Настало время действовать.

Каковы возможности международной солидарности в этой ситуации?

Самое главное - поддерживать сопротивление, в первую очередь в Украине, а также в России и Беларуси. Мир должен сплотиться против этой опасности и быть готовым заплатить цену, даже если она будет высокой. Это единственный язык, который понимает Путин. Олаф Шольц прав: мы вступили в новую эру. Теперь от нас зависит, каким будет будущее. Сейчас самое время отстаивать свои принципы и спросить себя, во что мы действительно верим и в каком мире хотим жить.

Это интервью является сокращенным и отредактированным переводом подкаста из серии "Критическая теория в контексте" с Робин Селикатесом. Он является профессором практической философии, специализирующимся на социальной философии и антропологии в Свободном университете Берлина.

Грег Юдин

профессор политической философии Московской школы социальных и экономических наук и считается одним из самых ярких выразителей антивоенных протестов в России. Он регулярно пишет для онлайн-платформы open-democracy и российского интернет-журнала Republic.

